

**ПЕРСОНЫ А. С. ПУШКИНА И П. Я. ЧААДАЕВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ОТНОШЕНИЙ «ЛИЧНОСТЬ – КУЛЬТУРА». К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

¹Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары, Россия

²Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Специфика позиционирования в культуре двух великих представителей русской литературы и философии первой половины XIX в. – А. С. Пушкина и П. Я. Чаадаева – определяется их отношением к истории России. В александровскую эпоху это была идеология просвещенного вольнолюбия, которая их объединяла, но после поражения декабристов они преследуют преимущественно идеологему частной жизни. Если Пушкину свойственна позиция частного лица, свободное творчество которого может принести пользу России, то Чаадаев своим существованием и творчеством утверждает институциональную значимость частного лица как лишнего человека.

Ключевые слова: история русской литературы, Пушкин, Чаадаев, личность, позиционирование в культуре.

Актуальность исследуемой проблемы. Имена А. С. Пушкина и П. Я. Чаадаева сегодня, когда идет речь о выработке национальной идеи России, чрезвычайно актуальны не только в плане вечного спора западников и славянофилов, но и в определении культурной самоидентификации российской нации. Цель данного исследования состоит в том, чтобы определить максимальную включенность А. Пушкина и П. Чаадаева в культурный контекст эпохи.

Материал и методика исследований. Предметом исследования являются историко-литературная и культурная среда России первой половины XIX в., а также историко-литературные и биографические сведения об А. Пушкине и П. Чаадаеве. Поэтому в основу статьи положен преимущественно биографический метод вкупе с аналитической и дескриптивной методиками. Компаративистский метод реализуется непосредственно в сравнении личностей поэта и философа на разных стадиях их личностного развития (синхрония и диахрония).

Результаты исследований и их обсуждение. В современной науке существуют два тренда исследования пары «личность – культура». Первый представлен столь авторитетным лицом, как А. Я. Флиер. Он рассматривает личность в ее отношении к культуре в четырех измерениях: как продукт культуры, как ее потребитель, как ее производитель и транслятор [12, с. 127]. Вероятно, подобного рода структурирование может иметь место, однако в отношении столь значительных фигур, какими являются личности

© Кранк Э. О., 2018

Кранк Эдуард Освальдович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Чувашского государственного института культуры и искусств, г. Чебоксары, Россия; доцент кафедры литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: krank1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.09.2018

П. Чаадаева и А. Пушкина, эта парадигма, если и применима, то в результате нам мало что дает. Автор парадигмы и сам признает, что в зазоре между личностью и культурой творческое начало представляет собой проблему, не имеющую определенного решения: «Как возникает этот “зазор”, в чем заключается это различие, в конечном счете стимулирующее творческую активность человека, мы не знаем и, наверное, поэтому столь плохо представляем себе, что такое творчество и как можно его стимулировать» [12, с. 129].

Второй тренд выступает в качестве подразделения культурной антропологии и связан с такими именами, как Ж. Г. Тард, В. Вунд, Ф. Ницше, В. Дильтей, О. Шпенглер в качестве его основоположников, однако в качестве продолжателей называются авторы этнолого-антропологических изысканий А. Кардинер, Р. Бенедикт, М. Мид, что характеризует довольно поздний этап развития науки о культуре [10]. К тому же школа А. Кардинера, исследуя этнолого-антропологические феномены, уделяет собственно личности, по мнению С. Лурье, недостаточно внимания [8, с. 215].

Попытки представить значимое для нас соотношение понятий так, как это принято в психологической науке, а именно через парадигму (индивид – индивидуальность – личность – культура), вовсе не выдерживает критики, поскольку совершенно не отвечает на вопросы: каким образом личность может влиять на культуру? насколько культура агрессивна (или, напротив, толерантна) в отношении к личности? и др. Поэтому нет смысла комментировать наших героев с точки зрения элементов этой довольно плоской парадигматики.

Наиболее продуктивной нам видится концепция Ю. М. Лотмана, который в своих трудах соотносит личность с конкретной социально-культурной средой, в каждом отдельном случае отмечая уникальность взаимовлияния личности и культуры друг на друга [6], [7]. Биографический подход, не исключая собственно семиологического противопоставления личности и культуры, на наш взгляд, является преимущественным, поскольку мы исходим из уникальности, неповторимости биографии, творчества и значения личности, чей вклад в развитие русской культуры невозможно переоценить.

Помимо этого, нам представляется важным понятие «обстоятельственное поле», введенное нами в научный оборот [5, с. 67–74]. В этом понятии, как мы полагаем, нашло свое комплементарное воплощение многообразие личностных аспектов творческой индивидуальности в ее взаимоотношениях с культурной средой.

Значение личности и творчества А. Пушкина кажется самоочевидным. Он известен как личность противоречивая, в которой с одинаковым успехом уживались чувства и мысли иногда совершенно противоположных направленностей, хотя мы и привыкли считать поэта, как это бывает в случае с великими и общеизвестными людьми, человеком по преимуществу цельным. Мы называем его гением, не особо вдаваясь в специфику понятия. Наше отношение к гению сродни отношению к родственникам: мы понимаем, какую роль тот или иной из них играет в нашей жизни, и нам ничего другого не остается, как принимать эту роль в качестве удобопонятной и необходимой, умножающей контекст нашего существования в культуре.

П. Чаадаев представляется человеком не менее парадоксальным, а то и вовсе загадочным. Его «Философические письма» и «Апология сумасшедшего» суть произведения, сплошь построенные на парадоксах и противоречиях, а личность и биография Чаадаева, его взгляды и поведение способны поставить в тупик любого психолога. Объявленный Николаем I умалишенным, Чаадаев продолжал играть в российском обществе удивительную роль, часто ставя людей в психологический и культурный тупик. Эта роль тревожила его современников, во всяком случае тех из них, кто имел возможность соприкоснуться с его личностью.

П. Чаадаев был для А. Пушкина, особенно в годы становления поэта как личности, непререкаемым авторитетом. Именно под его влиянием складывались свободолобивые

политические воззрения поэта, связанные с тем, что мы называем продекабристской идеологией. Но и в более позднее время, после того как судьба надолго разлучила друзей, во второй половине двадцатых и в тридцатые годы XIX в., между ними сохранились отношения, представляющие собой чрезвычайный интерес как в плане взаимодействия двух значимых фигур российской культуры, так и в плане того, как каждый из них воспринимал современную действительность и свое место в ней. Очень важно и то обстоятельство, что и для Пушкина, и для Чаадаева николаевская эпоха была очень сложна в том отношении, что и тот, и другой представлялись персонами нон грата, причем не только для властей, но и для нового поколения русской интеллигенции. Сложность состояла в том, что оба находились внутри журналистской полемики эпохи, и позиция каждого из них, как бы они ни разнились между собой, была своего рода проблемой для современников, особенно тех, которые принадлежали к новому поколению российской культуры.

Необходимо отметить еще одно важное качество, свойственное и Пушкину, и Чаадаеву, а именно: и того, и другого мы можем назвать не просто личностями, а личностями великими. Понятие великой личности сегодня, ввиду демократизации современного гуманитарного знания, утратило свою актуальность, перейдя в разряд не столько научного, сколько художественного (или книжного) стиля. Однако эпоха, в которую происходило становление Чаадаева и Пушкина, есть эпоха по преимуществу романтическая, в которой личность оценивалась именно с точки зрения ее тотального противостояния среде, то есть именно как великая личность, вполне в соответствии с понятием «байронический тип». Если величие Пушкина не подлежит никакому сомнению, то в отношении Чаадаева понятие величия все-таки носит проблемный характер, не только потому, что последний намного пережил романтическую эпоху, но и вследствие самой природы его деятельности. Очень меткую характеристику дал Чаадаеву его первый биограф и хранитель его архива М. И. Жихарев, писавший в начале своих мемуаров: «Чаадаев не занимал никакого официального места по службе и никогда не обозначался ничем особенным на служебном поприще; он имел небольшой чин (гвардии ротмистр) <...> он не был богат: напротив, его личные хозяйственные дела представляли самое жалкое и не совсем чистое зрелище; он, наконец, не имел никакого скрепленного и подписанного положения в деле науки, мышления и искусства. То есть он не обладал никаким ясным, определенным, положительным конкретным правом занимать общество или народ ни своей жизнью, ни ее концом» [4, с. 49]. М. И. Жихарев характеризует здесь Чаадаева методом от противного, апофатически, провоцируя вопрос: так был ли Чаадаев великим человеком? На этот вопрос спустя почти век блистательно ответил О. Э. Мандельштам: «Чаадаев именно по праву русского человека вступил на священную почву (римско-католической. – Э. К.) традиции, с которой он не был связан преемственностью. Туда, где все – необходимость, где каждый камень, покрытый патиной времени, дремлет, замурованный в своде, Чаадаев принес нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею возвращенный. Эта свобода стоит величия, застывшего в архитектурных формах, она равноценна всему, что создал Запад в области материальной культуры...» [9, с. 155]. Мандельштам прямо говорит о величии личности и деятельности Чаадаева, вопреки изменившейся литературной и культурной парадигме (не романтизм, а уже модернизм), а также вопреки тому, что тот вел жизнь по преимуществу частного лица. Подобная позиция, в противовес довольно сомнительной квалификации профессионального писателя, все больше привлекала и Пушкина. Романтическая эпоха прошла, но не прошло бесследно величие фигур, определивших в той или иной мере эту эпоху в России. Это обстоятельство, а именно то, что мы имеем дело не просто с личностями, а с личностями великими, с одной стороны, затрудняет нашу задачу соотношения их с культурным контекстом, но с другой – позволяет

увидеть, насколько они сами, не уместаясь в этот культурный контекст, воздействовали на культуру, которая вынуждена была изменяться под влиянием этого величия.

Исследователь творчества и биографии Чаадаева Б. Н. Тарасов, характеризуя взгляды русского философа, выраженные в «Философических письмах», постоянно и не без оснований называет его метафизику «философией достоверностей» [11, с. 173]. Парадокс заключается в том, что в результате поиска этих достоверностей и их аргументации Чаадаев признан умалишенным, то есть человеком совершенно неадекватным. «Адекватность» и «достоверность» – понятия пересекающиеся, причем момент адекватности должен предшествовать достоверности: в противном случае, а именно, если персона и ее взгляды неадекватны существующему положению дел, то и сама философия такового существа будет в лучшем случае визионерским вздором или чем-то сродни этому.

Специфика личности П. Чаадаева, гипнотизировавшего современников на различных этапах своего становления, с молодости и до последнего дыхания, вызывала у его окружения всегда несколько настороженную реакцию. Вот как об этом пишет А. Герцен в своем эпохальном труде «Былое и думы»: «Печальная и самобытная фигура Чаадаева резко отличается каким-то грустным упреком на линючем и тяжелом фоне московской high life <...> Как бы ни была густа толпа, глаз находил его тотчас. Лета не исказили стройного стана его, он одевался очень тщательно, бледное, нежное лицо его было совершенно неподвижно, когда он молчал, как будто из воску или из мрамору, “чело, как череп голый”, серо-голубые глаза были печальны и с тем вместе имели что-то доброе, тонкие губы, напротив, улыбались иронически. Десять лет стоял он сложа руки где-нибудь у колонны, у дерева на бульваре, в залах и театре, в клубе и – воплощенным veto, живой протестацией смотрел на вихорь лиц, бессмысленно вертевшихся около него, капризничал, делался странным, отчуждался от общества, не мог его покинуть, потом сказал свое слово, спокойно спрятав, как прятал в своих чертах, страсть под ледяной корой. Потом опять умолк, опять являлся капризным, недовольным, раздраженным, опять тяготел над московским обществом и опять не покидал его. Старикам и молодым было неловко с ним, не по себе; они, бог знает отчего, стыдились его неподвижного лица, его прямо смотрящего взгляда, его печальной насмешки, его язвительного снисхождения. Что же заставляло их принимать его, звать... и, еще больше, ездить к нему? Вопрос очень серьезный» [2, с. 220–221].

А. Герцен таким образом подчеркивает изначальную отчужденность П. Чаадаева от социума. Понятно, что, принадлежа к следующему поколению, Герцен говорит о Чаадаеве эпохи после «Философических писем». Ему вторит М. И. Жихарев, утверждая, что «необыкновенная самостоятельность и независимость мышления, чудесная интуитивная способность с раза, одним взмахом глаза чрезвычайно верно подмечать в каждом явлении то, чего веки вечные не видят другие <...> кажется беспримерным в русской истории» [4, с. 55–56].

В этих характеристиках представляет интерес прежде всего то, что, отмечая чуждость Чаадаева окружению, мемуаристы подчеркивают заинтересованность окружения в его присутствии, причем до такой степени, что даже после того, как Чаадаев был объявлен умалишенным, что, казалось бы, должно было отвратить от него взоры современников, особенно тех из них, кто имел какое-то отношение к власти, он остался практически столь же популярен в московском свете, как и до публикации первого из «Философических писем» в надеждинском «Телескопе».

Фигура Чаадаева, отчужденно взиравшего на общество со скрещенными на груди руками, напоминает нам фигуру Пушкина 30-х гг. XIX в., мрачно наблюдавшего придворные рауты и балы, на которых блистала его жена. Степень его отчужденности от окружения в этот период жизни вовсе не исчерпывается одним чувством ревности. В заслуживающей самой высокой оценки статье Л. Я. Гинзбург о конце стиля элегической эпохи дана характеристика не просто политической или бытовой неуютности Пушкина его окруже-

нию того времени, но и эстетической и собственно стилистико-литературной [3]. Возвысившее свой голос новое поколение литераторов различного происхождения и демократической ориентации было настроено откровенно враждебно в отношении Пушкина, который мешал этому поколению; и ощущение личной чуждости происходящему вокруг него ощущалось поэтом столь остро, что дуэльная развязка, в сущности, была способом покончить разом со всем, что раздражало его в последние годы.

Таким образом, и Пушкин, и Чаадаев, несмотря на то что были безусловно признаны культурой, в которой обитали в последние периоды своей жизни и которая была создана в немалой степени ими самими, не могли не ощущать себя личностями, эту культуру обременяющими, людьми, если не лишними, то не совсем грата, причем не только в отношении светской власти и соответствующих органов фискального свойства (от А. Бенкендорфа до Ф. Булгарина), но даже и в отношении персон достаточно дружеских, к какому бы поколению они ни принадлежали.

Выскажем рискованную мысль: быть может, сам биологический возраст личности способствует тому, что она перестает себя ощущать в культуре естественно и непринужденно, а становится в известной степени бременем как для окружения, так и для самой себя. Сложность ситуации заключается не только в том довольно тривиальном расхождении, в дистанции, которая с возрастом все более увеличивается у людей, считавших себя в дни юности и молодости душевными друзьями. В нашем случае вопрос осложняется «Философическими письмами» Чаадаева, именно его философией достоверностей, которая, с одной стороны, прекрасна как первый образец собственно национальной философии (с имени Чаадаева русская метафизика осознала себя как таковая), а с другой – совершенно утопична, провиденциальна, поскольку навязывает исторической действительности сценарий некоей апофатической утопии – апофатической (отрицательной) в том смысле, что вступить в эту историческую христианскую утопию Россия не может по той простой причине, что она находится вне истории.

Вопрос об исторической программе для страны есть всегда вопрос открытый, и чем более он открыт, тем свободнее может развиваться нация. Закрытость или пусть даже предуказанность будущего оборачивается для страны катастрофой, как это случилось с декабрьским восстанием, с революциями начала и конца XX в. в России. Предуказанность пути (коммунистическая, национал-социалистическая, христианская и какая угодно другая) заводит нацию в исторический тупик, который современным культурологам (Ф. Фукуяма [13, с. 431–505] и др.) может представляться как конец истории, или как пост-историческое будущее, а в глобальном масштабе заводит в тупик и все человечество. Мы не утверждаем, что Чаадаев был не прав, а Пушкин – прав, вовсе нет. Вполне возможно, что предуказанность пути есть что-то вроде коллективного сновидения К. Юнга, которое снится всем, в котором мы все участвуем как в некоем гиперреалистическом фарсе: «Речь идет уже не о ложной репрезентации реального (идеологии), а о том, чтобы скрыть, что реальное перестало быть реальным, и таким образом спасти сам принцип реальности» [1, с. 21]. Этот гиперреалистический фарс нельзя верифицировать действительностью, поскольку у нас нет инструмента для измерения ее истинности, натуральности, объективной реалистичности.

П. Чаадаев в качестве религиозного философа (или, как его назвал А. Герцен, основоположника «революционного католицизма» [2, с. 222]) утверждает вполне в духе средневековой патристики и схоластики не что иное, как необходимость построения Царствия Божия на Земле. Неслучайно первому из «Философических писем» предпослан эпитафия из Евангелия от Матфея «Adveniat regnum tuum» («Да придет Царствие Твое»), данный на языке католической латыни [14, с. 86]. И, подобно его предшественникам, мы можем испытывать благодарность ему и его главному оппоненту – Пушкину – за разницу в понимании христианской идеологии в применении к историческому пути России.

Резюме. Таким образом, специфика позиционирования в культуре двух великих представителей русской литературы и философии первой половины XIX в. определяется их отношением к истории России. В александровскую эпоху это была идеология просвещенного вольнолюбия, которая их объединяла, но после поражения декабристов, в эпоху николаевскую, и Пушкин, и Чаадаев преследуют преимущественно идеологему частной жизни, однако она представлена у Чаадаева и Пушкина различно: если последнему свойственна позиция частного лица, свободное творчество которого может принести пользу России, то Чаадаев своим существованием и творчеством утверждает институциональную значимость частного лица как лишнего человека, поскольку, по его мнению, Россия, не включившаяся в мировую историю, не может уважать личность так, как это делалось в странах католического западного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2016. – 240 с.
2. Герцен А. И. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 5. – М. : Правда, 1975. – 384 с.
3. Гинзбург Л. Я. Пушкин и Бенедиктов // Гинзбург Л. Я. О старом и новом. – Л. : Советский писатель, 1982. – С. 109–152.
4. Жихарев М. И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи : мемуары современников. – М., 1989. – С. 48–119.
5. Кранк Э. О. Очерки по феноменологии фотографии : в 2 ч. Ч. 2 : Обстоятельное поле. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. – 120 с.
6. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя : пособие для учащихся. – Л. : Просвещение, 1981. – 255 с.
7. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» : комментарий : пособие для учителя. – Л. : Просвещение, 1983. – 416 с.
8. Лурье С. Историческая этнология : учебное пособие для вузов. – М. : Академический проект ; Гаудеамус, 2004. – 624 с.
9. Мандельштам О. Э. Сочинения : в 2 т. Т. 2 : Проза. – М. : Художественная литература, 1990. – 464 с.
10. Орлова Э. А. Культура и личность // Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. – М. : Университетская книга, 1998. – 448 с.
11. Тарасов Б. Н. Чаадаев. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 575 с.
12. Флиер А. Я. Культурология для культурологов : учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. – М. : Академический Проект, 2001. – 492 с.
13. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; Полиграфиздат, 2010. – 588 с.
14. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. Т. 1. – М. : Наука, 1991. – 800 с.

**A. PUSHKIN AND P. CHAADAEV «PERSONALITY» IN THE CONTEXT OF
«PERSONALITY – CULTURE». ON THE ISSUE**

¹*Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia*

²*I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia*

Abstract. The specificity of positioning the two great representatives of the Russian literature and philosophy of the first half of the 19th century in the culture is determined by their attitude to the history of Russia. At the time of Alexander I the ideology of «enlightened freedom» united the characters. But after the defeat of the Decembrists, Pushkin and Chaadaev generally pursue the ideology of «private life». Pushkin was characterized by the position of «private person» whose free creativity could benefit Russia, whereas Chaadaev affirmed the institutional significance of «private person» as «disengaged person» by his existence and work.

Keywords: *history of the Russian literature, Pushkin, Chaadaev, personality, positioning in culture.*

REFERENCES

1. *Bodriyyar Zh. Simulyakry i simulyacii.* – M. : Izdatel'skij dom «POSTUM», 2016. – 240 s.
2. *Gercen A. I. Sobranie sochinenij : v 8 t. T. 5.* – M. : Pravda, 1975. – 384 s.
3. *Ginzburg L. Ya. Pushkin i Benediktov // Ginzburg L. Ya. O starom i novom.* – L. : Sovetskij pisatel', 1982. – S. 109–152.
4. *Zhikharev M. I. Dokladnaya zapiska potomstvu o Petre Yakovleviche Chaadaeve // Russkoe obshhestvo 30-kh godov XIX v. Lyudi i idei : memuary sovremennikov.* – M., 1989. – S. 48–119.
5. *Krank E. O. Ocherki po fenomenologii fotografii : v 2 ch. Ch. 2 : Obstoitel'stvennoe pole.* – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2014. – 120 s.
6. *Lotman Yu. M. Aleksandr Sergeevich Pushkin. Biografiya pisatelya : posobie dlya uchashhikhsya.* – L. : Prosveshhenie, 1981. – 255 s.
7. *Lotman Yu. M. Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin» : kommentarij : posobie dlya uchatelya.* – L. : Prosveshhenie, 1983. – 416 s.
8. *Lur'e S. Istoricheskaya etnologiya : uchebnoe posobie dlya vuzov.* – M. : Akademicheskij proekt ; Gaudeamus, 2004. – 624 s.
9. *Mandel'shtam O. E. Sochineniya : v 2 t. T. 2 : Proza.* – M. : Khudozhestvennaya literatura, 1990. – 464 s.
10. *Orlova E. A. Kul'tura i lichnost' // Kul'turologiya. XX vek : enciklopediya : v 2 t. T. 2.* – M. : Universitetskaya kniga, 1998. – 448 s.
11. *Tarasov B. N. Chaadaev.* – M. : Molodaya gvardiya, 1990. – 575 s.
12. *Flier A. Ya. Kul'turologiya dlya kul'turologov : uchebnoe posobie dlya magistrantov i aspirantov, doktorantov i soiskatelej, a takzhe prepodavatelej kul'turologii.* – M. : Akademicheskij Proekt, 2001. – 492 s.
13. *Fukuyama F. Konec istorii i poslednij chelovek.* – M. : AST ; AST MOSKVA ; Poligrafizdat, 2010. – 588 s.
14. *Chaadaev P. Ya. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma : v 2 t. T. 1.* – M. : Nauka, 1991. – 800 s.

© Krank E. O., 2018

Krank, Eduard Osvaldovich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Social-Economic Disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary, Russia; Associate Professor of the Department of Literature and Culturology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: krank1@mail.ru

The article was contributed on September 03, 2018